

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 1, pp. 172–185, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.141'42

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка)

Лилия Айсовна Бускунбаева¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-3495-3742. E-mail: buskl@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бускунбаева Л. А., 2021

Аннотация. *Введение.* В башкирской спонтанной речи функционирует большое количество вербальных хезитативов, которые еще не описаны в теоретическом плане и нуждаются в многостороннем анализе, уточнении основных функций, определении коммуникативной роли и частоты употребления. Объектом исследования в данной статье выступает вербальный хезитатив *ни / ней* ‘это самое’, выполняющий в проблемных участках речевого производства поисковую функцию при возникшей проблеме выбора конкретной речевой единицы. *Цель* исследования — анализ и выявление основных функций исследуемого хезитатива в процессе организации спонтанного дискурса. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на материале полевых текстов, собранных в рамках научно-исследовательской работы «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка» и размещенных в текстологической базе диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка (<https://mfbl2.ru>). Для исследования отобрано 209 диалектных текстов, в которых встречается исследуемый хезитатив. В данной базе всего зафиксировано 718 употреблений. Подбор примеров для анализа осуществлялся методом сплошной выборки. В исследовании применялись методы дискурсивного и контекстуального анализа, статистический метод. *Результаты.* В результате асемантизации основного значения вопросительное местоимение *ни* в спонтанной речи выполняет коммуникативную и прагматическую роль и начинает выступать в роли заполнителя хезитационной паузы. Полифункциональность данного хезитатива подтверждается многочисленными примерами его употребления. В спонтанной речи вербальный хезитатив выполняет функцию хезитативную (поиск того или иного речевого элемента, соответствующего исходному замыслу речевой единицы), поисковую (заполнение пауз в процессе речевого производства), дискурсивную (средство организации речи). Уникальность данного хезита-

тива в том, что в спонтанной речи он может заменить любое полнозначное слово, во избежание возникновения длительных пауз или обрыва высказывания. На основе анализируемого материала выявлены основные способы коррекции проблемного участка речепроизводства. Являясь характерным атрибутом именно спонтанной речи, хезитативы в качестве стилистического задания могут употребляться и в художественных произведениях, помогая раскрыть замысел автора — построить психологический портрет персонажа, передавая особенности его речи.

Ключевые слова: башкирский язык, тюркские языки, база данных, разговорная речь, диалектный текст, речевые сбои, хезитация, хезитационная пауза, вербальный хезитатив

Благодарность. Настоящее исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040710023-4).

Для цитирования: Бускунбаева Л. А. Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 172–185. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

The Functioning of the Verbal Hesitation Marker *Ni / Nei* ‘Whatchamacallit’ in Oral Monologues of Bashkirs: A Case Study of Bashkir Dialectal Texts

Liliya A. Buskunbaeva¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0003-3495-3742. Email: buskl@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Buskunbaeva L. A., 2021

Abstract. The article studies the functioning of the verbal hesitation marker *ni / nei* ‘whatchamacallit’ in Bashkir spontaneous speech. *Goals.* The research aims to analyze and identify the main functions of the investigated hesitation marker in the process of organizing spontaneous discourse. *Materials and Methods.* The study explores dialectal materials included in the text database of the dialectological cluster within the Digital Corpus (lit. ‘Machine Fund’) of the Bashkir Language (<https://mfbl2.ru>). The total of the studied materials is 209 dialectal texts. The database contains 718 tokens of the investigated hesitation marker. The selection of examples for analysis was carried out through the method of continuous sampling. The employed research methods are those of discourse and contextual analysis, as well as the statistical method. *Results.* Asemantization of the basic meaning of the interrogative pronoun in spontaneous speech results in the emergence of a pragmatic meaning, and the lexeme begins to function as a filler for hesitational pauses. The multifunctionality of this hesitation marker is confirmed by numerous examples of its use. In spontaneous speech, the verbal hesitation marker performs the hesitative (fills in pauses in speech production), discursive (as a means to organize speech) and search (temporary substitutions in search for a speech unit corresponding to the original intention) functions. The uniqueness of this hesitation marker is that in spontaneous speech it can replace any notional word that one has ‘on the tip of the tongue’ and, thus, help avoid the occurrence of long pauses or interruptions in utterances. The analysis of materials reveals the main methods of correcting problem areas in speech production. Being a characteristic attribute of spontaneous speech, the lexemes can also be stylistically used in fiction works as instruments to reveal the author’s intention — depicting a psychological portrait of the character through the latter’s speech features.

Keywords: Bashkir language, Turkic languages, database, colloquial speech, dialect text, speech mistakes, hesitation, hesitation pause, verbal hesitation

Acknowledgements. The reported study was funded by state subsidy — project ‘Creating a Corpus of Bashkir Dialectal Texts’ (state reg. no. AAAA-A17-117040710023-4).

For citation: Buskunbaeva L. A. The Functioning of the Verbal Hesitation Marker *Ni / Nei* ‘Whatchamacallit’ in Oral Monologues of Bashkirs: A Case Study of Bashkir Dialectal Texts. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14(1): 172–185. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

Введение

В настоящее время в лингвистической науке акцент все больше смещается в сторону изучения живой разговорной речи. Трудно не согласиться с русским лингвистом и психологом Н. И. Жинкиным, который отмечал: «Как это ни парадоксально, я думаю, что лингвисты долгое время изучали человека молчащего» (цит. по: [Земская, Кийгородская, Ширяев 1981: 5]). Действительно, основным источником изучения башкирской разговорной речи до недавнего времени являлись художественные тексты. Как «продукт ментальной деятельности автора» [Ладыгин 2012: 134], они, с одной стороны, отражают типичные для разговорной речи явления, но, с другой стороны, проходят своеобразную «шлифовку». Автор при передаче речи персонажей осуществляет тщательный отбор языковых средств и синтаксических конструкций. Следовательно, такая речь не может считаться спонтанной и неподготовленной и отражать всю специфику разговорной речи.

Развитие компьютерной и корпусной лингвистики позволило создать репрезентативные и сбалансированные базы данных, электронные корпуса и по звучащей речи, что намного расширило возможности лингвистов исследовать те аспекты разговорной речи, которые были ранее недоступны из-за скудного объема нужного фактического материала.

Устная разговорная речь характеризуется спонтанностью, неподготовленностью, эмоциональностью, клишированностью и ситуативностью. Все вышеперечисленные факторы порождают типичные для устной речи способы организации дискурса, что ведет к нарушению плавного развертывания речи, вызывая тем самым речевые сбои.

Основными маркерами речевых сбоев, наряду с самокоррекцией, обрывами, повторами, оговорками, самоперебивами, вставными конструкциями, выступают хезитационные паузы, возникающие в проблемных участках речевого производства.

В 50-е гг. прошлого столетия появились первые исследования по хезитационным паузам, которые стали объектом нового междисциплинарного направления на стыке лингвистики, психологии, медицины и социологии. Американского специалиста по психолингвистике Ф. Г. Лаунсбери по праву можно считать основоположником данного направления. Он объясняет возникновение таких пауз с «проблемой выбора речевых единиц и планирования предложения в целом, а также проблемой вероятностного перехода от одной речевой единицы к другой» [Николаева 1970: 117]. Исследования Ф. Г. Лоунсбери, Ф. Голдман-Эйслера, Г. Маля заложили основы экспериментального изучения хезитационных пауз.

В отечественной лингвистике к проблеме хезитационных пауз начали обращаться в конце XX – начале XXI вв. Серьезные научные результаты были получены русскими учеными, которые на материале многочисленных корпусных данных исследуют различные аспекты хезитации (В. И. Подлесская, А. А. Кибрик [Подлесская, Кибрик 2005; Подлесская, Кибрик 2007], Н. В. Богданова-Бегларян [Богданова-Бегларян 2014; Богданова-Бегларян 2015], Е. Ю. Викторова [Викторова 2015], Е. М. Малов, Е. В. Горбова [Малов, Горбова 2007], Э. Б. Яковлева [Яковлева 2016] и т. д.).

Исследования хезитационных пауз в башкирском языке только начинаются и представлены на сегодняшний день единственной статьей [Бускунбаева 2019]. Тор-

мозащим фактором для исследований в данном направлении было и недостаточное количество аудиозаписей устной речи и их транскрипций, доступных широкому кругу исследователей. Разрабатываемые электронные корпуса башкирского языка [Бускунбаева, Сиразитдинов 2012; Каримова, Сиразитдинов 2014], обширная текстологическая база в диалектологическом подфоне Машинного фонда башкирского языка [Каримова, Сиразитдинов, Бускунбаева 2010] дают возможность обратить взор башкирских лингвистов на проблемы устной речи и исследовать на богатом фактическом материале не только лексические, грамматические и фонетические особенности башкирского языка, но и исследовать звучащую речь, учитывая все ее особенности и нюансы.

Проблема хезитационных пауз в башкирском языке нуждается в научном описании и факторном анализе, особенно это актуально при составлении грамматики башкирской разговорной и диалектной речи, при разработке анализатора и синтезатора для автоматической обработки звучащей речи [Бускунбаева 2019: 70].

В данной статье рассматриваются особенности функционирования вербального

хезитатива *ни / ней*, способного заменить практически любое полнозначное слово в устном дискурсе.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили диалектные тексты, собранные в рамках научно-исследовательской работы «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка», которые представлены в Текстологической базе Диалектологического подфона Машинного фонда башкирского языка (далее — МФБЯ)¹. Для исследования отобрано 209 текстов, общий объем которых составляет 112 538 словоупотреблений. Исследуемые тексты представляют собой образцы устной спонтанной речи (перед записью информант не осведомлен о теме беседы).

Для быстрой и комфортной работы с базой данных был разработан интуитивно понятный интерфейс, позволяющий производить поиск текстов по одному из следующих параметров либо по их комбинации: диалект, говор, пол, национальность, образование, возраст информанта, год записи, текст (тематика текста) [Сиразитдинов, Бускунбаева, Каримова 2016: 216]. Фамилия, имя и отчество информанта и его место жительства указываются в конце текста (рис. 1).

Текстологическая база данных

Поиск по полям

Диалект	восточный	Говор	Пол	Национальность	
Год записи		Образование	высшее	Возраст	Текст
Поиск					

Количество найденных текстов: 88

Диалект	восточный
Говор	казыльский
Пол	м
Возраст	26
Год записи	2018
Образование	высшее
Национальность	башкир
Текст	свадьба йауымбай (...) мектеб*ендә шул эшләр (...) йеренгә у*ахытта / шу [л] да таныштың инде // таныштың һәм шул икенсе йылына / шул барып йораның инде // (ы-ы) эйтерегү тизәр б*ит инде // барып эйтерегү / шу йолалар б*уына инде / йоран / теге мөһәр алалармы нишләйәрме / шуның һымаҡ иңәр # вис # бөтә нәмәһән дә утәп // шул туй гөндәһ һейләшәб / нидәй гөндә (...) утәргәргә // шу безҙән туй шу йегерме өс [ө] / (э-э) йегерме беренсе сентябрь булды / шул ике мененсе / (э-э) шул йылда инде / туғһан туғһы / туғһан туғһыны йылда б*ула инде // шул / (ай) туғһа нидәй йолалар б*ула / бөтәһе лә утте инде / шун / \$ В шул / (...) һандың тигән һымаҡмы (ы-ы) / йенгалар йаталар б*ит инде / шуның һымаҡ нейләргә лә // # ишеү # нәмәләр + булайың / йау йула тугтеү // шун / нейә ней / кейәү сәйе тигерме анда / шуның һымаҡ иңәр бөтәһе лә + б*улыңды // шулайыраҡ //
Диалект	восточный
Говор	казыльский
Пол	м
Возраст	26
Год записи	2018
Образование	высшее
Национальность	башкир
Текст	өлвәдә, питание без (...) \$ В минен нитәшәм шул / аш инде / безҙән / шул // байрамнарға (...) бишбармаҡ тигән һымаҡ // # пирәжәһи # / шуның һымаҡ иңәр / # выпечка # нәмәләр анда / пирогтар төрлө //

Рис. 1. Интерфейс Текстологической базы данных МФБЯ

[Fig. 1. Interface of the Text Database, Digital Corpus of the Bashkir Language]

¹ См. [электронный ресурс] // URL: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial> (дата обращения: 15.10.2020).

Уникальность данной базы в том, что тексты дают возможность исследовать не только лексическую, фонетическую и грамматическую особенности диалектов, но и паралингвистические элементы спонтанной речи (смех, кашель, вздохи, стоны, причмокивание, плач и т. д.), речевые сбои (хезитационные паузы, самокоррекцию, обрывы и т. д.), сопровождающие живую речь², которые дополнительно отмечены в базе данных [Бускунбаева, Сиразитдинов 2020: 93].

Большая часть диалектных текстов, размещенных в текстологической базе данных — монологи (401 текст, 94 %). Главным преимуществом таких дискурсов является отсутствие наложения реплик говорящих, т. е. перебивов, созданий помех и т. д. Следовательно, в представленных дискурсах выбор нужной речевой единицы полностью зависит от самого говорящего.

Текстологическая база дает возможность не только найти нужные примеры, но и получить достоверные данные о частоте употребления исследуемого хезитатива.

Хезитационные паузы как структурный компонент спонтанного дискурса

В устной спонтанной речи редко наблюдается плавное развертывание дискурса, поскольку процесс формирования мысли происходит одновременно с процессом речепроизводства. У говорящего нет времени на планирование высказывания, что неизбежно ведет к возникновению непреднамеренных пауз, ошибок при выборе лексических или грамматических средств, употреблению оговорок и повторов.

Термин **хезитация** происходит от английского слова *hesitation* 'колебание, волнение' и означает перерыв в речи, связанный с возникновением у говорящего определенных трудностей в планировании высказывания — «чем больше этих сложностей, тем более вероятно появление

паузы хезитации и тем больше ее продолжительность» [Лауринавичюте, Федорова 2010: 280]. Например, английский психолог Ф. Голдман-Эйслер на основе проведенных многочисленных экспериментов доказала, что паузы хезитации в спонтанной речи имеют регулярный характер и занимают приблизительно 30 % общего звучания [Goldman-Eisler 1967: 125]. Американский паузолог О'Коннор считает, что «паузы могут сказать о человеке не меньше, чем слова, и в разговоре тратится 40–50 % времени на них» (цит. по: [Белицкая 2014]).

При анализе хезитационных пауз по способу заполнения выделяют следующие виды: абсолютные (незаполненные) паузы, вокализованные паузы (м-м, э-э), вербальные хезитативы [Богданова-Бегларян 2015: 346; Коротаев 2018; Верхованова, Карпов 2012: 11]. А. А. Белицкая включает в состав хезитационных пауз и метатекстовые комментарии, невербальные паузы колебания (покашливания, вздохи, смех и т. д.), самопрерывания, незаконченные высказывания [Белицкая 2014].

Вербальные хезитативы

Как показывает анализируемый материал, одними из частотных являются так называемые вербальные хезитативы, представляющие собой вербальные единицы «размером от слова до целых конструкций» [Богданова-Бегларян 2015: 346].

В лингвистической науке до недавнего времени такие речевые единицы рассматривались, как слова-паразиты, не несущие никакой смысловой нагрузки [Розенталь, Теленкова 1976; РГЭС 2002] и засоряющие речь говорящего [Факова, Перепелицина 2015: 650]. В башкирском языкознании такие слова также относили к словам-паразитам [Зайнуллина 2002: 201].

Учитывая их полифункциональность и роль в устной речи, целесообразнее будет такие слова и выражения рассматривать как один из типов хезитации — вербальные хезитативы. Они в потоке речи в результате утраты лексического значения приобретают прагматическое значение [Богданова-Бегларян 2014: 9]. Они характерны для спонтанной речи и являются необходимым инструментом для построения устного дискурса.

Полифункциональность вербальных хезитативов отмечается многими исследо-

² Список используемых в Текстологической базе транскрипционных обозначений: / — знак сегментации синтагмы; // — знак сегментации повествовательного высказывания; !, ? — знак сегментации вопросительных и восклицательных фраз; () — знак короткой паузы хезитации; (..) — знак длительной паузы хезитации; (мм) — знак заполненной хезитации; [] — самокоррекция; .. — обрыв слова; # — переключение языковых кодов (с башкирского на русский); б* — билабиальный вариант согласной [б].

вателями. Н. В. Богданова-Бегларян среди основных функций выделяет хезитативную, дискурсивную, поисковую, метакоммуникативную, ритмообразующую, функцию маркера самокоррекции [Богданова-Бегларян 2015: 346]. По мнению А. А. Рачёвой, вербальные хезитативы в речи могут выполнять следующие функции: маркирование продолжения повествования, маркирование речевых сбоев, акцентирование внимания на элементах дискурса, маркирование случаев актуализации фрагментов воспоминаний и др. [Рачёва 2018: 13]. О. Б. Сиротинина, изучая функции таких речевых единиц, отмечает, что: «...заполнители пауз не только позволяют говорящему выиграть время, но и задают членение текста на синтагмы и макросинтагмы, управляют вниманием собеседника, маркируют различные этапы построения речи, дают информацию об отношении говорящего к произносимому тексту и могут выражать общие установки, которыми руководствуется говорящий при построении речи» [Сиротинина 1974: 71].

В башкирском языке вербальные хезитативы активно участвуют в формировании спонтанной речи. Одни из них помогают заполнить возникшие во время речевого производства паузы (*ни* 'это самое', *теге* 'то, тот', *шул* 'то, тот'); другие, являясь дискурсивными маркерами, указывают на начало, продолжение или финальную часть высказывания (*бына* 'вот', *шулай* 'так', *шунан* 'потом, затем', *шул* 'вот'); третьи, выполняя поисковую функцию, могут выступать временной заменой при возникшей проблеме выбора конкретной речевой единицы (*ни* 'это самое, как его', *теге ни* 'то самое', *шул ни* 'вот это самое', *нитеу* 'делать это самое' и т. д.).

Спонтанную речь сложно представить без вербальных хезитативов. Они выступают как средство организации речи, обеспечивая связность дискурса и предотвращая возникновение длительной незаполненной паузы. Однако для слушателя наличие таких пауз могут являться раздражающими и затрудняющими процесс восприятия информации факторами. В то же время полное отсутствие таких хезитативов в речи может произвести «впечатление прагматической неправильности, а говорящий восприниматься как иностранец» [Levontina, Shmelev 2007].

Вербальный хезитатив с функцией поиска ни / ней 'это самое'?

В башкирском языке есть выражение *тел осонда тороу, тел осона килеу* 'вертеться на языке, быть на кончике языка', когда в процессе речевого производства конкретное слово буквально вылетело из головы '*баиштан сыккан*'. Говорящий хорошо знает и часто использует данное слово или выражение в повседневной речи, однако в нужный момент не способен немедленно воспроизвести его звукографическую форму. В то же время он может «довольно точно описать имеющийся в виду объект, указать его свойства» [Большой психологический словарь 2009: 694]. Данное явление в психологии называют феноменом «на кончике языка» [Кордуэлл 2000: 353] или обозначают термином «пресеквию» (от фр. *presque* «почти увиденное»).

Причинами внезапной «забывчивости» могут быть волнение, колебание, неуверенность в себе, возрастные изменения, скудный словарный запас и т. д.

Если говорящий в процессе речевого производства по каким-либо причинам не может вспомнить нужное слово или выражение, он редко прибегает к развернутому его описанию, а часто употребляет вместо него вербальный хезитатив с функцией поиска во избежание заминки или обрыва текущего фрагмента речи.

Основным маркером хезитации с функцией поиска в башкирском языке выступает вопросительное местоимение *ни* (разговорная форма *ней*). В Текстологической базе Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка зафиксировано всего 718 случаев употребления данного маркера, что подтверждает его высокую частотность.

Способность выступать в качестве заместителя того или иного слова у вопросительного местоимения *ни* отмечена в «Академическом словаре башкирского языка», где одно из его значений сформулировано следующим образом: *Нимәлер әйтергә укталып, әйтә алмай торганда, һүҙ араһына индерелә* 'Говорится между слов, когда забываешь, что сказать, или не можешь выразить свою мысль'² [АСБЯ 2014: 547].

Хезитатив *ни / ней* на русский язык можно перевести как 'это самое, как его (ее, их)'.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Таблица 1. Частота употребления хезитативов *ни / ней* в речи информантов разного пола и образовательного уровня (на основе данных МФБЯ)

[Table 1. Frequency use of the hesitation marker *ni / nei* in oral discourse of informants of both sexes with different educational backgrounds (Digital Corpus of the Bashkir Language)]

Количественные показатели употребления хезитативов	Сведения об информантах				
	Пол		Образование		
	мужской	женский	начальное	среднее	высшее
Тексты с хезитативами	58	151	23	126	61
Хезитативы во всех текстах	158	548	95	404	208
Количество хезитативов на условную единицу объема (один текст)	2,72	3,63	4,13	3,20	3,40

Приведенная выше таблица 1 свидетельствует, что вербальный хезитатив с функцией поиска *ни / ней* свойственен всем носителям языка, опровергая тем самым мнение, что такие слова или выражения характерны только для людей с низкой культурой общения, со скудным словарным запасом. Хезитив наблюдается в спонтанной речи информантов как с начальным, так и со средним и высшим образованием. Нужно отметить, что количество употреблений исследуемого хезитатива в женских дискурсах (3,63 хезитатива на единицу объема) выше, чем в мужских (2,72 хезитатива на единицу объема). Представители с начальным образованием чаще использовали хезитатив *ни / ней* в речи (4,13 хезитатива на единицу объема), чем представители со средним и высшим образованием.

Большее количество в спонтанной речи хезитатива *ни / ней* у информантов с высшим образованием (3,4 хезитатива на единицу объема) по сравнению с информантами со средним образованием (3,2 хезитатива на единицу объема) объясняется тем, что, в основном, первые были представителями технических наук, в то время как вторые — работники образовательных учреждений (школ, детских садов), учреждений культуры (клубов, библиотек).

Вербальный хезитатив *ни / ней* в спонтанной речи способен заменить практически любое полнозначное слово или выражение.

Частотность употребления исследуемого хезитатива в функции поиска и замены значительно варьируется в зависимости от того, к какой части речи данное слово относится.

Как показывает анализируемый материал, наибольшее количество запросов на «поиск» подходящей речевой единицы приходится на имена существительные (597 употреблений). Исследуемый хезитатив употребляется как в функции поиска апеллятива (*кышкылык нейзэн / таузан кырагай нейзэр / куйандар төшэ //* ‘зимой с этих / с гор спускаются дикие эти самые / зайцы //’; *көршәктә бешкән нейзе арышты улап алып ашайым //* ‘ем горстями / приготовленную на горшке как ее / рожь //’), так и онама (*кайһы берзәрен (э-э) шул ней / Гөлнур алып киткәйне //* ‘некоторые забрала как ее / Гульнур //’ *ней / Магнитка тиклем пойыз менән () кайттык //* ‘доехали на поезде до этого / до Магнитогорска //’).

В текстологической базе МФБЯ широко представлены вербальные хезитативы, временно заменяющие глаголы (всего 111 употреблений). В данном случае хезитатив *ни / ней* принимает форму понудительного (*нитеу / нейтеу* — 107 употреблений), возвратного (*нителеу / нейтелеу* — 3 употреблений), взаимного залога (*нитешеу / нейтешеу* — 1 употребление): *кайыре һутелә / кайыре йемерелә / шуларзы нитеп / йүнәтеб* йөрөйм //* ‘где-то валится / где-то рушится / те места я это самое / ремонтирую //’; *алабуталарзы теге нитеп тораб*ыз инде / # ну # кый үләне б*ула инде //* аларзы йолкоп тораб*ыз инде (а-а) тазартып // ‘лебеду это самое / ну это сорняк // их пропалываем //’.

Употребление вербального хезитатива *ни / ней* в функции поиска прилагательного / наречия не распространено в башкирской спонтанной речи (всего 10 употреблений): *шуга таб*игәт кеүек без үзәб*ез зә шулай*

ней / көслөбө*өз // ‘поэтому мы / как и наша природа / такие как его / сильные //’; йэй [без] беззэ эсе / ней / йелһез // ‘лето у нас жаркое / это самое / безветренное //’.

В анализируемом материале не обнаружено примеров употребления хезитатива *ни / ней* вместо имен числительных и местоимений.

Вербальный хезитатив *ни / ней* может употребляться в сочетании с указательными местоимениями *теге* ‘тот’, *бына* ‘вот’, *ошо* ‘этот’, *шул* ‘тот’: *теге ни / ней, бына ни / ней, ошо ни / ней, шул ни / ней*, которые еще больше усиливают уровень колебания говорящего при выборе речевых единиц или продолжения текущего фрагмента. В Текстологической базе данных МФБЯ зафиксировано всего 33 употребления рассматриваемых конструкций, что показывает достаточно стабильный уровень их употребления в спонтанной речи: *ул (тау) теге нейгә / трассага тиклем () бара инде* // ‘она (гора) () тянется до как ее там / до трассы’; *ошо нейзәрзе / ауылдагы бешерергә тырышаб*ыз инде* // ‘эти самые / стараемся готовить деревенские (блюда)’; *шул # тужы # йамгырзар үтһә күмергә тырышаб*ыз / теге ней б*уһын туп # влагаһы # б*уһын һыуы б*улһын + тиб*ақтында* // ‘стараемся тоже после дождя окучивать / чтоб была как ее / влага в почве (для удержания влаги в почве)’.

Способы коррекции вербального хезитатива с функцией поиска ни / ней

Проанализировав имеющийся диалектный материал, можно утверждать, что вербальный хезитатив *ни / ней* в большинстве случаев сопровождается с последующей самокоррекцией (далее мы будем использовать терминологию В. И. Подлесской и А. А. Кибрика [Подлесская, Кибрик 2007: 3]).

Для башкирской спонтанной речи характерны следующие способы коррекции проблемного участка речевого производства «в зависимости от того, насколько оперативно говорящий реагирует на обнаруженную проблему» [Подлесская 2013: 398]:

Online-коррекция. Информант незамедлительно реагирует на проблемный фрагмент и корректирует его: *теге Кәримә өләсәйзәр () нейзә / (ээ) / Тимерзә йәшәйзәр / без Байназарза / шул* // ‘семья бабушки Каримы проживает (ээ) как там его / в Ти-

мерово / мы в Байназарово / вот //’; *синарат / мына ул әзәм бейектеге инде / аның нейе (ээ) таб*агы # наверно # бер (ээ) утыз литрзыктыр* // ‘сепаратор / вот он высотой в человеческий рост / его это самое / (ээ) загрузочная чаша наверное (ээ) литров на тридцать //’.

Анализируемый материал показал высокую частотность online-коррекции (53 %), что обусловлено, прежде всего, желанием говорящего оперативно исправить вынужденную замену на запланированную речевую единицу во избежание ошибочного восприятия передаваемой информации. В русском языке наблюдается аналогичная ситуация: «Говорящие отдают существенное предпочтение онлайн изоморфным самоисправлениям по сравнению со всеми остальными классами, зарегистрированными в исследованных корпусах. Можно предположить, что данный способ для говорящего оказывается наименее трудозатратным, а слушающему позволяет наиболее точно реконструировать исходный замысел говорящего» [Подлесская 2014: 539].

При online-коррекции происходит нарушение структурной целостности высказывания — синтагматического членения (при коррекции высказывания возникают новые синтагмы): *бөтә шул нейзәрән / булган йолаларзы б*өтә үткәрзег инде* // ‘вот все эти’ / все (свадебные) традиции соблюдали //’; *бүлөп кенә ашайһың // нейтеп / кәзерләп кенә ашайһың шул икмәкте* // ‘отламывая ешь // ешь этот хлеб как это / бережно //’.

При online-коррекции часто возникают дополнительные хезитационные паузы (короткие или длинные, абсолютные или вокализованные), указывающие на временные затруднения у говорящего при выборе нужной речевой единицы. Возникновение паузы на проблемном участке речевого производства сопровождается нарушением просодической организации речевого потока — меняется темпо-ритмический рисунок высказывания.

Такие паузы по отношению к вербальному хезитативу *ни / ней* могут находиться:

— **в препозиции:** *шунан () нейзә / урта мәктәпте () Ләмәзтамак ауылында бөтөрөп / йәшәп киттег инде* // ‘затем окончив () эту самую / среднюю школу () в деревне Лемезтамак / стали жить вместе //’; *# кабаики # сәстениһәң / # вис # (ээ)*

нейзәргә / каззарга ашатаһың // ‘если выращиваешь кабачки / то откармливаешь ими (э-э) этих / гусей //’;

— **в постпозиции:** ней һымак / (м-м) куркыныс төш һымак тәндәр зымбырзан китә // ‘бросает в дрожь как в этом / (м-м) как в страшном сне //’; йәй бик ней (ы-ы) кыскак беззә // ‘лето у нас это самое (ы-ы) короткое //’;

— **в интерпозиции:** кызым Зөлфейә () нейзә (..) Тамыр телестудияһында балалар тапшырыуҙарында эшләй // ‘моя дочь Зульфия работает () в этой (..) в телестудии Тамыр / в детских передачах //’; барғас / (ыы) нейзә (ыы) # садикта # эшләнем // ‘переехав / работала (ыы) в этом самом / (ыы) в садике //’.

Offline-коррекция. Говорящий договаривает проблемный участок, используя вербальный хезитатив *ни / ней*, затем возвращается к нему и корректирует его. В анализируемом диалектном материале *offline-коррекция* занимает 22 % от общего числа исправлений. При такой коррекции не происходит обрыва текущего фрагмента, он имеет законченный, целостный вид с правильной грамматической и просодической формой. В то же время возникает новая синтагма, содержащая соответствующую изначальному замыслу речевую единицу: *анда минең ахирәтем Миңдуныр Нафикова // ул # режиссерский # нейзе бөткән инде / Стәрлетамакта бүлектә //* ‘там живет моя подруга Миндунир Нафикова // она окончила режиссерское как там его / в Стерлитамаке отделение //’; *берәүе кейәүгә сығып / нейеб*ез б*ар / йейәнеб*ез б*ар //* ‘одна вышла замуж / у нас есть это / у нас есть внук //’; *халык шул тиклем дә ней б*улды инде / татыу б*улды* ‘народ до такой степени был этим самым / был дружным’).

При *offline-коррекции* можно наблюдать и дистантное расположение откорректированного фрагмента, когда между исследуемым хезитативом и «исправленным коррекцией» [Подлесская, Кибрик 2005]: *туй гөнөндә # тужы # нейгә баралар б*ит инде // (мм) кыззың өйөнә барып кыззы алалар за туй кейемәндә кейенеп загызга барып кайтып / туй б*ула //* ‘в день свадьбы также идут в это самое // (мм) забирают невесту / она в свадебном платье / и идут в загс / затем сама церемония свадьбы //’.

При *offline-коррекции*, в отличие от *online-коррекции*, не возникают дополнительные паузы хезитации.

При *online* и *offline* коррекции хезитатив с функцией поиска *ни / ней* в подавляющем большинстве случаев (91 %) в контексте грамматически оформлен, т. е. имеет ту же падежную и числовую форму с планируемой речевой единицей. «Говорящий уже выбрал падежно-числовую форму планируемой именной группы и колеблется лишь в выборе конкретной номинации» [Подлесская, Хуршудян 2006: 429]: *олатайым Шәһәрәтдин / аның нейе / Ғәлләм буган / атаһы //* ‘деда зовут Шагаретдин / его этого самого / звали Галлям / отца //’; *шунан һуң / ней # авиационный университеткә # [поступат] керзе инде //* ‘после этого / поступил в этот самый / в авиационный университет //’.

В некоторых случаях исследуемый хезитатив может быть грамматически не оформленным, то есть иметь нулевую форму: *ней / күлдәр йакын беззә //* ‘это / озера близко находятся к нам’; *ней / күстәнәстәр алып килделәр //* ‘это самое / гостинцы привезли’. Преимущественно такие примеры встречаются, когда имя существительное представлено в именительном падеже во множественном числе.

Единственным примером, когда хезитатив и планируемое слово не совпадают по падежным окончаниям, является следующий фрагмент дискурса: *ул нейзең / БГПУны бөтөп / хәзерге у*акытта / Өфө калаһында / үзенең гайләһе мән / йәшәй инде //* ‘он как его / окончив БГПУ / сейчас с семьей / проживает в городе Уфе //’. В данном примере хезитатив *ней* представлен в форме генитива, в то время как заменяемое им слово — в форме аккумулятива.

Non-коррекция (без коррекции). Анализируемый материал показал, что хезитатив *ни / ней* говорящим может и не корректироваться (25 %). Конкретная коммуникативная ситуация, багаж знаний и контекст дают возможность реципиенту самому воссоздать требующий коррекции элемент речи без ущерба для правильного восприятия информации. В большинстве случаев не корректируется предикат, выраженный глаголом, поскольку имеющийся лексико-грамматический состав позволяет правильно «расшифровать» имплицитно выра-

женный предикат: *Урал йылғаһы аға // йәй гөнә бигерәк нейтеп китә // әле ташкын // 'протекает река Урал // летом она это самое // сейчас половодье //*. В данном примере лексико-грамматический состав позволяет правильно «расшифровать» вербальный хезитатив с функцией поиска. Следовательно, хезитатив *нейтеу* в данном примере заменяет глагол *һайығыу* «мелеть, обмелеть».

Встречаются и примеры, когда невербализованный в контексте и замененный на хезитатив *нитеу* / *нейтеу* предикат может иметь несколько вариантов расшифровки: *мин уларға берһенә лә көстәп нейтмәнем // һин шунда # именно # барырга тейешһең / шулайтып укырга тейешһең // улар үзгәре һайлаб* алдылар # профессияны # / мин уларға нейтмәнем //* «я ни одному из них настолько не это самое // куда должен пойти / как учиться // они сами выбрали себе профессии / я им никогда не это самое //». Благодаря контексту смысловое значение неоткорректированного предиката восполняется без ущерба для правильного восприятия: *әйтмәнем* «не говорила» или *өйрәтмәнем* «не учила».

Использование хезитатива ни / ней в художественных текстах

Вербальные хезитативы, в том числе и анализируемый *ни / ней*, как уже было упомянуто выше, характерны только для разговорной речи. Однако их можно обнаружить и в художественных произведениях при передаче речи персонажей. Подобные слова могут использоваться автором в качестве художественного приема для создания не только речевой характеристики персонажа, но и его психологического портрета.

Хезитатив *ни / ней* может употребляться при передаче различных черт, оттенков чувств и намерений говорящего (неуверенность, сомнение, незнание, недалекость): — *Апа, ней, әйзә, нейгә барайык! — шулай тип барып туктаны ахырза. — Ней... Нейгә... Әҙәмсә әйтеп булмаймы — күргәзмәгәме?* «Тетя, это, а давай сходим на этот! — сказав, он наконец-то остановился. — Это... На этот... По-человечески разве нельзя сказать — на выставку?» [Якупова 2013: 459] (волнение, неуверенность); *Теге нейзе, Сәйфеттин тигән кешене, эшкә уның аркыры интерзем* «Этого самого, Сайфетдина, через него устроил на работу» [Хамматов 1966: 148] (пренебрежительное отношение к Сайфетдину); [Казанбаев:] *Теге, ней бит әле, Нәзир бажә, һиңә генә күз төбәп торам* «[Казанбаев:] Того самого, свояк Назир, на тебя вся надежда» [Ырыскужина 2020] (заискивание, желание угодить человеку, на которого возлагаются большие надежды).

Заключение

В данной статье сделана первая попытка исследования вербальных хезитативов на примере *ни / ней* с функцией поиска на материале башкирской спонтанной речи. Частотность употребления исследуемого хезитатива, как показал анализируемый материал, очень высока, поскольку он выполняет очень важную роль для эффективной коммуникации, являясь одновременно и заполнителем длительных пауз, и средством организации дискурса, и средством поиска нужной речевой единицы или продолжения высказывания.

Источники

МФБЯ — Машинный фонд башкирского языка [электронный ресурс] // URL: <http://mfbl2.ru> (дата обращения: 15.11.2020).

Литература

АСБЯ 2014 — Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т. VI / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2014. 944 с. (на башк. и русск. яз.).
Белицкая 2014 — Белицкая А. А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи [электронный ресурс] // Филология и литературоведение

Sources

Digital Corpus of the Bashkir Language. Available at: <http://mfbl2.ru> (accessed: November 15, 2020). (In Bash.)

ние [электронный журнал]. 2014. № 2. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения: 11.10.2020).
Богданова-Бегларян 2014 — Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3(27). С. 7–20.

- Богданова-Бегларян 2015 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века: материалы II Междунар. конф.* Краков: Jagiellonian University Press, 2015. С. 345–354.
- Большой психологический словарь 2009 — *Большой психологический словарь* / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
- Бускунбаева 2019 — *Бускунбаева Л. А.* Хезитационная пауза как метакоммуникационный маркер в башкирском языке (на материале диалектного корпуса башкирского языка) // *2 Uluslararası Nevruz Zirvesi: Zempozyum kitabı* (2-й Междунар. Неврузский саммит). Antalya: Iksad Yayınevi, 2019. С. 70–74.
- Бускунбаева, Сиразитдинов 2012 — *Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А.* О проблемах создания национального корпуса башкирского языка // *Современное казахское языкознание: актуальные вопросы прикладной лингвистики: материалы Междунар. науч.-теоретич. конф., посвященной 75-летию юбилею известного ученого профессора Жубанова Аскара Кудайбергеноулы.* Алматы: Ин-т языкознания им. А. Байтурсынова, 2012. С. 54–58.
- Бускунбаева, Сиразитдинов 2020 — *Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А.* Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // *Известия Уфимского научного центра РАН.* 2020. № 2. С. 90–97.
- Верходанова, Карпов 2012 — *Верходанова В. О., Карпов А. А.* Моделирование речевых сбоев в системах автоматического распознавания речи // *Вестник Томского государственного университета.* 2012. № 363. С. 10–15.
- Викторова 2015 — *Викторова Е. Ю.* Вспомогательная система дискурса. Саратов: Издат. центр «Наука», 2015. 404 с.
- Зайнуллина 2002 — *Зайнуллина Г. Д.* Русско-башкирский терминологический словарь по языкознанию. Уфа: БГУ, 2002. 280 с.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 275 с.
- Каримова, Сиразитдинов 2014 — *Каримова Р. Н., Сиразитдинов З. А.* Практическое применение материалов корпуса прозаических текстов при составлении многотомного академического словаря башкирского языка // *Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии (к 100-летию со дня рождения): материалы Всерос. науч.-практич. конф.* Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 163–166.
- Каримова, Сиразитдинов, Бускунбаева 2010 — *Каримова Р. Н., Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А.* О текстологической базе данных диалектологического подфонда «Машинного фонда башкирского языка» // *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы X региональной конф.* Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 186–188.
- Кордуэлл 2000 — *Кордуэлл М.* Психология. А–Я: Словарь-справочник / пер. с англ. К. С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.
- Коротаев 2018 — *Коротаев Н. А.* Речевые сбои и система планирования говорящего [электронный ресурс] // URL: <https://www.academia.edu/38592634/> (дата обращения: 15.11.2020).
- Ладыгин 2012 — *Ладыгин Ю. А.* Проблема речевого воздействия автора художественного текста на читателя // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета.* 2012. № 2 (18). С. 134–140.
- Лауринавичюте, Федорова 2010 — *Лауринавичюте А. К., Федорова О. В.* Влияние паузы хезитации на понимание синтаксической структуры предложения носителями русского языка // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог».* Т. 9. Вып. 16. М.: РГГУ, 2010. С. 279–284.
- Малов, Горбова 2007 — *Малов Е. М., Горбова Е. В.* Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // *Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи».* СПб.: СПИИ-РАН, 2007. С. 31–37.
- Николаева 1970 — *Николаева Т. М.* Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) // *Вопросы языкознания.* 1970. № 3. С. 117–123.
- Подлеская 2013 — *Подлеская В. И.* Синтаксис и просодия самоисправлений говорящего по данным корпуса с дискурсивной разметкой // *Корпусная лингвистика — 2013: тру-*

- ды междунар. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 396–404.
- Подлеская 2014 — Подлеская В. И. «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог». М.: РГГУ, 2014. Вып. 13 (20). С. 526–540.
- Подлеская, Кибрик 2005 — Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: Опыт корпусного исследования [электронный ресурс]. М., 2005. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (дата обращения: 16.10.2020).
- Подлеская, Кибрик 2007 — Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. Т. 2. № 23. С. 2–23.
- Подлеская, Хуршудян 2006 — Подлеская В. И., Хуршудян В. Г. О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 429–440.
- Рачёва 2018 — Рачёва А. А. Дейктические единицы с пространственной семантикой в устном дискурсе: маркирование дискурсивных процессов: дисс. ... канд. фил. наук. Кемерово, 2018. 204 с.
- Розенталь, Теленкова 1976 — Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [электронный ресурс]. М.: Просвещение, 1976. 543 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-209-2.htm#zag-1454> (дата обращения: 27.11.2020).
- РГЭС 2002 — Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. [электронный ресурс]. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002, Т. 2. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/russian-humanitarian/index.htm> (дата обращения: 18.11.2020).
- Сиразитдинов, Бускунбаева, Каримова 2016 — Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Каримова Р. Н. Диалектологическая база Машинного фонда башкирского языка как инструмент исследования башкирского диалектного континуума // Oriental Studies. 2016. № 9(1). С. 212–219. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-212-219
- Сиротинина 1974 — Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
- Факова, Перепелицина 2015 — Факова Р. А., Перепелицина Ю. Р. Слова-паразиты в современном русском языке // Евразийский научный журнал. 2015. № 12. С. 651–654.
- Хамматов 1966 — Хамматов Я. Бөртөкләп йыйыла алтын (= Золото собирается крупицами). Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1966. 328 б. (на башк. яз.)
- Ырысқужина 2020 — Ырысқужина Р. Отчет-хайлау йыйылышы (= Отчетно-выборное собрание) [электронный ресурс]. URL: https://tamasha-rb.rbsmi.ru/articles/satira-m-yumor/satira-m-yumor/?sphrase_id=47775 (дата обращения: 19.11.2020) (на башк. яз.)
- Яковлева 2016 — Яковлева Э. Б. Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2016. 73 с.
- Якупова 2013 — Якупова Г. Катындар: трилогия. 3-сө китап. Кесе Йыһан — Оло Йыһан (= Женщины: трилогия. 3-я книга. Малая Вселенная — Большая Вселенная). Өфө: Китап, 2013. 728 б. (на башк. яз.)
- Goldman-Eisler 1967 — Goldman-Eisler F. Sequential Temporal Patterns and Cognitive Processes in Speech // Language and Speech. 1967. Vol. 1. Pp. 122–132.
- Levontina, Shmelev 2007 — Levontina I., Shmelev A. False emptiness: Are so called “parasitical words” really semantically void? [электронный ресурс]. URL: <https://www.semanticscholar.org/author/I.-Levontina/65991029> (дата обращения: 20.10.2020).
- Bogdanova-Beglaryan N. V. Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology. *Perm University Herald*. 2014. No. 3(27). Pp. 7–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V. Verbal hesitatives of Russian oral speech: implementation of the search function and the ‘search reflex’. In:

References

- Belitskaya A. A. On the role of hesitation pauses in spontaneous speech. *Philology and Literature*. Electronic scientific and practical journal. 2014. No. 2. Available at: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (accessed: October 11, 2020). (In Russ.)

- Language and Method. Research on the Russian Language in the 21st Century. Conference Proceedings. Krakow: Jagiellonian University Press, 2015. Pp. 345–354. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A. Hesitational pause as a metacommunication marker in the Bashkir language (based on the dialectal corpus of the Bashkir language). In: The Second International Nevruz Summit. Proceedings. Antalya: Iksad Yayinevi, 2019. Pp. 70–74. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A. Creating the audio corpus of the eastern dialect of the Bashkir language: problems and prospects. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2020. No. 2. Pp. 90–97. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A. On the problems of creating a corpus of the Bashkir language. In: Contemporary Kazakh Linguistics. Topical Issues of Applied Linguistics. Jubilee Conference Proceedings. Almaty: Baytursynov Institute of Linguistics, 2012. Pp. 54–58. (In Russ.)
- Cardwell M. The Dictionary of Psychology. K. Tkachenko (transl.). Moscow: FAIR-PRESS, 2000. 448 p. (In Russ.)
- Fakova R. A., Perepelitsina Yu. R. Filler words in modern Russian. *Evroziyskiy nauchnyy zhurnal*. 2015. No. 12. Pp. 651–654. (In Russ.)
- Goldman-Eisler F. Sequential temporal patterns and cognitive processes in speech. *Language and Speech*. 1967. Vol. 1. Pp. 122–132. (In Eng.)
- Karimova R. N., Sirazitdinov Z. A. Compiling a multivolume academic dictionary of the Bashkir language: practical application of materials from the (Bashkir) Prose Corpus. In: Akhnaf Kharisov and Topical Issues of Bashkir Philology. Jubilee Conference Proceedings. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2014. Pp. 163–166. (In Russ.)
- Karimova R. N., Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A. Digital Corpus of the Bashkir Language: text database (dialectological cluster) revisited. In: Topical Issues of Russia's Dialectal Studies. Conference Proceedings. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2010. Pp. 186–188. (In Russ.)
- Khammatov Ya. Gold is Collected Meticulously. Ufa: Bashkir Book Publ., 1966. 328 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. VI. Ufa: Kitap, 2014. 944 p. (In Bash. and Russ.)
- Korotaev N. A. Speech pauses and speech planning system. Available at: <https://www.academia.edu/38592634/> (accessed: November 15, 2020). (In Russ.)
- Ladygin Yu. A. The problem of influence of the author's discourse on the reader in the novel. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2012. No. 2 (18). Pp. 134–140. (In Russ.)
- Laurinavichyute A. K., Fedorova O. V. Effects of hesitation in speech on syntactic structure in comprehension: evidence from Russian speakers. In: Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Dialogue. Conference Proceedings. Vol. 9. No. 16. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010. Pp. 279–284. (In Russ.)
- Levontina I., Shmelev A. False emptiness: Are so called 'parasitical words' really semantically void? Available at: <https://www.semantic-scholar.org/author/I.-Levontina/65991029> (accessed: October 20, 2020). (In Eng.)
- Malov E. M., Gorbova E. V. Discursive words in colloquial Russian: analyzing spontaneous colloquial speech. In: Analysis of Colloquial Russian. Seminar Proceedings. St. Petersburg: St. Petersburg Institute for Informatics and Automation (RAS), 2007. Pp. 31–37. (In Russ.)
- Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. (eds.) The Unabridged Dictionary of Psychology. 4th ed., suppl. Moscow: AST; St. Petersburg: Praym-Evroznak, 2009. 811 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. A new trend in the research of spontaneous speech: the so called speech hesitations revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1970. No. 3. Pp. 117–123. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I. 'They shot him dead, oh, no, they knifed him dead with a saber': self-repairs in oral stories. In: Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Dialogue. Conference Proceedings. Vol. 13 (20). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2014. Pp. 526–540. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I. Syntax and prosody of self-repairs: a corpus approach. In: Corpus Linguistics — 2013. Conference Proceedings. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2013. Pp. 396–404. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I., Khurshudyan V. G. Hesitation markers in spontaneous discourse: some evidence from Armenian. In: Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Dialogue 2006. Conference Proceedings. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2006. Pp. 429–440. (In Russ.)

- Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Correction of failures in oral spontaneous speech: experience of corpus research. In: *Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Dialogue. Conference Proceedings*. Moscow, 2005. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (accessed: October 16, 2020). (In Russ.)
- Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Self-repairs and other speech failures as data annotation objects in oral corpora. *Scientific and Technical Information Processing*. 2007. Vol. 2. No. 23. Pp. 2–23. (In Russ.)
- Racheva A. A. Deictic Units with Spatial Semantics in Oral Discourse: Marking Conversational Processes. Cand. Sc. (philology) thesis. Kemerovo, 2018. 204 p. (In Russ.)
- Rozental D. E., Telenkova M. A. The Reference Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Prosveshchenie, 1976. 543 p. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-209-2.htm#zag-1454> (accessed: November 27, 2020). (In Russ.)
- Russian Encyclopedic Dictionary of the Humanities. Moscow: VLADOS; St. Petersburg: St. Petersburg State University (Faculty of Philology), 2002. Vol. 2. Available at: <http://niv.ru/doc/dictionary/russian-humanitarian/index.htm> (accessed: November 18, 2020). (In Russ.)
- Ryskuzhina R. The reporting and election meeting. Available at: https://tamasha-rb.rbsmi.ru/articles/satira-m-yumor/satira-m-yumor/?sphrase_id=47775 (accessed: November 19, 2020). (In Bash.)
- Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., Karimova R. N. Dialectological base of the Digital Corpus of the Bashkir language as a tool for research Bashkir dialect continuum. *Oriental Studies*. 2016. No. 9(1). Pp. 212–219. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-212-219
- Sirotnina O. B. Contemporary Colloquial Speech and Its Peculiarities. Moscow: Prosveshchenie, 1974. 144 p. (In Russ.)
- Verkhodanova V. O., Karpov A. A. Speech disfluencies modelling in automatic speech recognition systems. *Tomsk State University Journal*. 2012. No. 363. Pp. 10–15. (In Russ.)
- Viktorova E. Yu. Auxiliary System of Discourse. Saratov: Nauka, 2015. 404 p. (In Russ.)
- Yakovleva E. B. Speech Hesitation: Formal and Functional Aspects: An Analytical Review. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 2016. 73 p. (In Russ.)
- Yakupova G. Women: A Trilogy. Book 3: Small Universe – Big Universe. Ufa: Kitap, 2013. 728 p. (In Bash.)
- Zaynullina G. D. Russian-Bashkir Dictionary of Linguistic Terms. Ufa: Bashkir State University, 2002. 280 p. (In Russ. and Bash.)
- Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N. Russian Conversational Speech: General Issues, Word Formation, Syntax. Moscow: Nauka, 1981. 275 p. (In Russ.)

